

© 2024 О. В. Кириченко

Москва, Россия

А.С. ПУШКИН НА ПУТИ РЕЛИГИОЗНОГО ПОНИМАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Пушкин сумел уйти от байроновского (а значит, и европейского в целом), узкого, лишь морального толкования образа «лишнего человека» и сумел представить новый образ, понимаемый им религиозно, в русле православного толкования личности, в свете понимания «большого греха», покаяния и расплаты за грех. Менялся и сам поэт, он перестал быть радикальным западником, отказался от масонства, от дружбы с русскими западниками-русофобами, освоил славянофильское мировоззрение и, двигаясь далее – остановился на византийском взгляде на человека, в основе которого лежало исихастское богословие. Эволюционируя вместе со своими героями, Пушкин строил образ «лишнего человека» постепенно, все более соотнося его с фигурой «малого антихриста». Другим важнейшим открытием поэта следует считать отказ Пушкина быть третейским судьей своим героям. В связи с чем поэт каждому совершившему большой грех предоставляет путь к покаянию, то есть дает возможность малому антихристу не стать большим.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, «лишние люди», Наполеон, Антихрист, православно-христианская идея.

Ссылка при цитировании: Кириченко О. В. А. С. Пушкин на пути религиозного понимания личности // Традиции и современность. 2024. № 38. С. 55–69

Публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Динамика идентичностей и культур населения России: академические и прикладные социально-антропологические исследования»

Кириченко Олег Викторович (Kirichenko Oleg Victorovich) – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: kirichenko.oleg.1961@mail.ru
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2024. № 38. С. 55–69

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 821.161; ББК – 83.3(Рус); <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2024-38/55-69>

Эволюция взглядов А. С. Пушкина в понимании образа «лишнего человека»

Обращение к человеку в религиозном (православно-христианском) понимании личности пришло к А. С. Пушкину благодаря сосредоточению внимания на так называемом «лишнем человеке»*, персонаже отрицательном, если руководствоваться христианскими критериями понимания совершенного человека. В статье впервые ставится вопрос о соотношении личного духовного пути поэта с эволюцией понимания им «главного героя», трактуемого в разное время по-разному. Поэту было не просто выйти на уровень религиозного понимания личности, возможно, это открытие стоило ему жизни, поскольку Пушкин предлагал в этом случае вернуться в понимании человека к византийской традиции, восточнохристианской, русской в ее церковном значении. В его время господствовал упрощенный взгляд на «лишних людей», что фиксируется, например, в трудах критика В. Г. Белинского, понимавшего таких людей как нравственно необычных своим поведением. Они трактовались критиком как умные, образованные люди, но эгоисты, не желающие подчиняться нормам общественной морали, хотя и по-своему симпатичные, привлекательные, но в целом несчастные создания (Белинский 1981: 362–427). В трактовке Белинского звучала не столько нота осуждения, сколько оценка сочувствия и даже некоторой симпатии. Критик словно шел следом за отношением героев произведений, увлекающихся Онегиным и Печориным, и разделял мнения Татьяны Лариной, которая увлеклась Онегиным, и Максима Максимовича, подружившегося с Печориным. В. Г. Белинский отсекал какие-либо другие, неморальные, толкования в угоду своему веку, который не хотел видеть религиозный смысл, вложенный авторами в эти образы. Белинский, как западник, шел за западничеством в понимании личности, ограниченной моральной оценкой. С этих позиций Ч. Г. Байрон писал «Паломничество Чайльд-Гарольда». За странностями и особенностями главного героя у него стояли определенные черты поведения, питаемые эгоизмом, наполеоновской любовью к достижению славы любой ценой, постоянной скукой и равнодушием к людям. Особенной «добродетелью» таких людей была непрерывная скука, тоска, пессимизм, как будто специально культивируемое в себе духовное уныние. Возникновение скуки, очевидно, надо связывать с тем, что их герой – Наполеон – все, что может простой человек без Бога сделать, сделал: завоевал почти весь мир, стал великим императором, которому починялись монархи Европы и сам Римский папа. Большого совершить и добыть-

ся человеку было невозможно, оставалось лишь любоваться этим образом, стараться хоть в чем-то быть похожим на него и все время скучать. На долю лишних людей выпала миссия скучать и жить этой скукой в мире, где все великое уже совершилось. Такова была их мотивация, когда воспитывали свою душу в рамках духовного уныния.

Как видим, при том, что у байроновского образа господствует моральное понимание его особенности, представленные качества, особенно затянувшееся уныние в душе «лишнего человека», в рамках православно-христианской антропологии указывают скорее на охвативший его религиозный кризис, нежели на нравственные проблемы. Пушкин, взявшийся писать Евгения Онегина, как русского Чайльд-Гарольда, что он и не скрывал, в первых главах так и отнесся к его трактовке.

Пушкин писал «Онегина» с 1823 по 1830 г., постепенно усваивая все более глубокое, в основе своей религиозное понимание фигуры Евгения. И помогало этому новое отношение к западничеству – мировоззрению, господствовавшему тогда у русской аристократии. 1820-е годы стали временем зарождения среди них новой идейности – славянофильства, что поставило западничество в положение оппонента, лишило его монополии.

Русское западничество, привитое Петром I, было принято русской аристократией, русским дворянством, как нечто необходимое, как дело государственное. Причина этого, на наш взгляд, была в том, что в основе петровского западничества лежали российские и русские интересы; оно было *служилым*, и оно было *подчинено* делу укрепления России, работало на страну. Скорость петровских реформ, их ясность и очевидная для страны выгода позволили аристократии принять их повсеместно. Тем более, петровское западничество лишь *дополняло* русскую традицию, не ломало ее русского, православного стержня. Будем учитывать и то, что Россия уже со времени Иоанна IV стала отходить от византийского третьеримского пути (Кириченко 2024: 624–630), самобытного развития, чем и объясняется системный кризис, охвативший страну: Смута начала XVII в., многочисленные народные бунты, церковный Раскол и неуклонный дрейф в течение XVII столетия в сторону сближения (через Польшу) с западной культурной традицией (Панченко 1984: 184–185). И, как ни странно это звучит, лишь встав на западнический путь *открыто* в начале XVIII в., Россия смогла в XIX в. начать возвращение к византийской традиции и в определенной степени вернуться к ней, опять будучи остановленной революцией 1917 г. Хотя и на время, как нам думается.

* Термин впервые употребил И. С. Тургенев.

Тем не менее, в середине XVIII в., в Россию смогло пробиться и *западническое западничество*, радикальное в своей основе, так как за ним стояло полное отрицание русской традиции и русского дела в Российской империи. Каналом и средой распространения его стали масонские ложи, масонство. Это было новое для страны явление, через которое целевым образом, почти точно, инкорпорировалась идеология космополитизма, идея негосударственной власти, когда государственная власть фактически находилась под контролем надгосударственных и наднациональных сил. Что и делало конкретную государственную власть вторичной по отношению к этой силе, а национальную традицию неактуальной, недостаточно развитой по отношению к новой – негосударственной – власти. Тем более, что корни масонской власти, если говорить о России, находились в других государствах: Англии, Франции, Германии и т. д. За масонством, каким бы то ни было, стояло пренебрежение к национальной и государственной традиции, что многими русскими масонами виделось как достижение определенных политических свобод, как и перспектива для будущего политического строя, не привязанного к «оковам» русского национального уклада. В этом нам видится подтекст активного внедрения масонства в декабризм, что и оформляло радикальное западничество в общественно-политическое движение, направленное на замену политического строя. Его радикализм был следствием того, что масонские ложи позволяли новому западничеству не проходить адаптацию в русской политической действительности, как это было с петровским западничеством, а сразу попадать в обойму активных преобразователей жизни, до поры действующих тайно, по приказам из-за границы. Неадаптированность и позволяла этому западничеству быть радикальным.

Российское масонство XVIII в. принято считать чуть ли не благотворительной силой, остановившей французский атеизм и материализм, мистикой, позволившей образованной России вернуться к православию (Флоровский 1991: 114–122). Советские историки называли книгоиздателя Н. И. Новикова просветителем, как и писателя А. Н. Радищева, предтечу декабристов и революционеров. Многих историков, прошлых и настоящих, словно не интересовала идейная и идеологическая сторона этого явления, как будто масонство – это то, что обычно относится к обрядовой стороне. Но подлинное его содержание заключалось не в символическом антураже, а в возможностях политического действия, возможностях влияния на русскую жизнь. Подчеркнем, что данный процесс активизировался после победы в Отечественной войне

1812 г. так, словно не Россия победила Наполеона, не она освободила Европу от его власти, а Европа принесла ей победу и на этой волне принесла и новое значение масонства.

За масонством стояли не просто космополитизм и искаженное до сектантства христианство, за ним стоял западнический радикализм,двигающий в Русский мир *идеологию*, а не просто новые «прогрессивные» или оригинальные идеи, в число которых входила и байроновская идея маленьких наполеонов – чайльд-гарольдов. В России стали появляться свои чайльд-гарольды, и в числе их самым известным был П. Я. Чаадаев. Еще раз подчеркнем, что одно дело читателю обольщаться образом Чайльд-Гарольда: быть скептиком, циником, скучающим богатым человеком, другое дело – начать формировать вокруг себя среду для общения таких людей, критиковать общество, страну, власть, не способные обеспечить наличие подлинной культуры в стране. Радикализм подразумевал перенесение западнической (в случае с Чаадаевым, британской) государственной идеологии в жизнь России. Признаем, наконец, что П. Я. Чаадаев служил Западу (а не России) как активный и сознательный проводник западнической идеологии, и в этом ему помогали не только глубоко усвоенный им байронизм, но и принадлежность к масонству! Чаадаев был членом лож «Соединенных друзей», «Друзей Севера» (блюстителем и делегатом в «Астрее»), в 1826 носил знак 8 степени «Тайных белых братьев ложи Иоанна». Член Английского клуба. Также был членом декабристского «Союза благоденствия» (Декабристы 1988: 193).

А. С. Пушкин становится на позиции западнического радикализма после знакомства в 1816 г. в Царском Селе (а потом и дружбы) с П. Я. Чаадаевым, воплощавшим в себе первообраз не только Чайльд-Гарольда, но и Наполеона (Толмачёв 2018: 92–109). Чаадаев, как известно, имея связи при Дворе, помог Пушкину избежать тяжелой ссылки, и тот попал в Бессарабию, где он стал членом масонской ложи «Овидий». Учитывая, что Чаадаев уже был масоном, нельзя исключать его помощи Пушкину и в этом случае. Тем более участие Чаадаева, как блюстителя и делегата, в верховной ложе «Астрей» (образована в 1815 г.), курирующей все масонство России, позволяло ему это делать. Есть аргументированное мнение, что поэт приобщился к масонству, к его духу, еще в Лицее (Фомичев 1995: 155–157), в том числе через литературное общество «Арзамас», имевшее задачу борьбы со всем, что олицетворяло образ деятельности А. С. Шишкова, возглавлявшего «русскую партию» в словесности. Совершенно очевиден радикальный западнический контекст данного общества.

Исходная позиция наша такова: на начальном этапе творческого пути А. С. Пушкин попадает в среду радикальных западников и разделяет, хочет он того или нет, их идейность и их идеологию. Идеология внедрялась через масонство, идейность – через приобщение к передовому тогда на Западе культурному императиву – условно говоря, образу Чайльд-Гарольда, для Пушкина соотносимого с П. Я. Чаадаевым. Через него Пушкин и был приобщен к идее подлинного жизненного образца в лице Наполеона. Известный историк Отечественной войны 1812 года Михайловский-Данилевский подчеркивал: «Кто не жил во времена Наполеона, тот не может вообразить себе степень его нравственного могущества, действовавшего на умы современников» (*Михайловский-Данилевский 1839 Ч. 1: 153*).

Между тем, после победной войны 1812 г. Россия стала другой. Перемены коснулись опоры петровского западничества – русских помещиков, многие из них начинают гордиться своей русской природой и культурой, русскими древностями, славянством. Русские помещики приняли непосредственное и деятельное участие в ополчении: определяли крестьян из числа крепостных в ополченцы, экипировали их для войны, давали средства для существования, нередко и самостоятельно участвовали в боевых действиях. Что бы ни писали нынешние радикальные западники о корысти русских помещиков, о забитости русских крестьян, но объективные факты говорят об обратном: на нужды ополчения «народом» (большей частью русскими дворянами, купцами и мещанами) было собрано 100 млн руб. Российское правительство выделило на нужды Отечественной войны 1812–1813 гг. 157 453 648 руб. (*Бабкин 1962: 107*). Но в годы войны в России было истрачено из этих денег 100 млн. Общество собрало сумму, сопоставимую с той, что выделило государство! Да и факт широкого народного участия в войне признавался уже современниками великих событий (*Волкова 2012: 88–89, 106; Чернопятов 1910; Михайловский-Данилевский 1839 Ч. 2: 22; Бабкин 1962*). Мощная сила в лице ополчения действительно оказалась необходимой подмогой для регулярной армии, ее резервом. Иностранные корпуса Наполеона, пресловутые «двунадесять языков», входили в категорию «ополчения», которое он нередко бросал на самые тяжелые участки боев. Дворянство увидело простой народ в годы войны в другом положении: как активного и сознательного участника освободительной борьбы с оккупантами, откуда и родилась новая – славянофильская – реальность. Сначала как простая мысль о сознательной великой роли простого народа в истории страны, а потом и как идейность, противоположная западничеству в его радикальных формах. Эволюцию

творческого пути А. С. Пушкина, как и изменения в его мировоззрении на этом пути, мы связываем в первую очередь с этими фундаментальными послевоенными переменами в стране, коснувшимися, прежде всего, нового отношения к простому народу. Конечно, был важен и личный опыт поэта, который он почерпнул в детские годы в общении с крестьянами, прежде всего с няней Ариной Родионовной, дворовой бабушки Пушкина Натальи Алексеевны Ганнибал. В сохранившемся письме няни к Пушкину, звучит не только мирская забота о нем, но и религиозная¹. Мы можем говорить о достаточно длительном периоде общения поэта со своей няней – с 1805 по 1810 г. В подмосковном Захарово, куда Пушкин каждое лето приезжал к бабушке. С 1818 г., года смерти Н. А. Ганнибал, Арина Родионовна прямо связана с семьей родителей Пушкина: она проживает у них в Петербурге, с 1824 по 1826 г. разделяет с поэтом время его ссылки в Михайловское. Умирает она в 1828 г. и становится, по сути, небесной молитвенницей за своего воспитанника. А ведь именно с концом 1820-х годов совпадает время духовного преображения Пушкина, и прежде всего, полный отход от радикального западничества, переход на консервативные позиции в мировоззрении. Опыт общения с таким глубоко религиозным человеком, думается, не прошел для поэта даром. И был ценен, прежде всего, усвоением понятия «греха», как религиозной, а не нравственной только ответственности за свои поступки. Мы относим этот опыт не к знаниям, к которым можно отнести ту же идеологию (политическое знание), а к категории религиозных истин, которые усваиваются на уровне совести, глубинного самочувствия. И хотя потом этот опыт может быть со временем «забыт» или затемнен, но он, в отличие от знаний, не заменяется другими знаниями, а может быть только смещен или уничтожен другим религиозным опытом.

Прежде чем перейдем к теме «Пушкин и Наполеон», хорошо раскрытой в статье известного знатока русской дворянской истории О. С. Муравьевой (*Муравьева 1991: 5–32*), расставим некоторые акценты. Мы не сторонники «наполеоновской легенды», своего рода мифа о Наполеоне, который создавался в течение XIX в., как некий конструкт, далекий от реальности. Скорее мы видим, что точка зрения на завоевателя как на антихриста, высказанная Русской Церковью еще при его жизни, стала основой для понимания наполеонизма (сближения с образом Наполеона с целью подражанию ему) и была главной, определяющей для русской литературной художественной культуры. И Пушкин прошел в своем жизненном пути и в своем творчестве все этапы осмысления и открытия в образе обаятельного злодея – религиозной природы человека.

Что и стало его подлинным открытием и началом Золотого века русской литературы в послепетровской России.

В стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» (1814)², написанном специально к приезду в Лицей поэта и государственного деятеля Г. Р. Державина, звучат чисто славянофильские темы: Наполеон назван тираном, Россия – Русью, «со святым алтарем», Москва – «стоглавая», «град величавый», «родимая прелесть старины». Разрушение, которое несет армия Наполеона, – ужасно. Русский патриотизм юного поэта здесь очевиден. Державин, как замечено исследователями, относился к Наполеону по-церковному, а именно – как к ниспровергателю монарших тронов в Европе и посягателю на христианские святыни, то есть как к Антихристу (*Архимандрит Августин* 1997: 102–116). Может быть, поэтому у юного Пушкина и было к нему двойственное отношение: с одной стороны, он искренне разделял официальную позицию – пиетет перед именитым стихотворцем и крупным государственным деятелем эпохи Великой Екатерины II; с другой стороны (под влиянием радикальных западников), Пушкин осознавал, благодаря общению с умными, взрослыми собеседниками, такими, как Чаадаев, что Державин – это прошлое, которое тщится быть современным, отсюда у юного поэта могла звучать и ирония в отношении к человеку, пережившему свой век. Второе положение, думается, и не позволяло Пушкину серьезно относиться к державинской антинаполеоновской позиции. Державин в 1813 г. опубликовал стихотворение «Гимн лироэпический на прогнание французов из Отечества», где сравнил Наполеона с сатаной, захватившим полмира.

Симпатии к Наполеону у Пушкина росли. В 1815 г. в стихотворении «Наполеон на Эльбе» облик тиранства и злодейства Наполеона уже не так очевиден; уже со стороны автора по отношению к нему проскальзывает незримая симпатия; он назван губителем, хищником, он свирепый, угрюмый, полный мятежных дум, но при этом Пушкин пишет стихотворение от лица Наполеона, как бы сливаясь с ним, пытаясь думать и чувствовать, как он. Из-за чего в разрушительной стихии, которую несет завоеватель, появляется много романтического, возвышенного, он источник «погибельной грозы», вслед за которой летит победа: «За галльскими орлами / С мечом в руках победа полетит». Но в конце войны завоеватель твердит: «Все сгинет, и тогда, в всеобщем разрушение, / Царем воссяду на гробах». А в стихотворении 1817 г. «Вольность» симпатия к Наполеону выражается уже открыто. Обращаясь к музе (вопрос, к какой?), поэт пишет: «Открой мне благородный след / Того возвышенного Галла, которому сама средь славных бед / Ты гимны смелые

внушала». И вот уже не Наполеон оказывается тираном, а его соперники, а среди них, судя по всему, и Российский император: «Тираны мира! трепещите! / А вы, мужайтесь и внемлите, / Восстаньте, падшие рабы». В духе западного, в том числе масонского понимания, в стихах появляются отдельные понятия-символы с большой буквы: Власть, Гений, Рабство, Слава, Вольность, Закон, Вероломство. Они противостоят как нечто подлинное и настоящее человеческой власти царей, неправой уже потому, что это власть человека, а не принципа. О величии Наполеона Пушкин напишет и в стихотворении 1821 г. «Наполеон», созданном по случаю кончины завоевателя. Здесь полководец изображен избавителем мира от рабства, связанного с властью царей над миром. Освободив Европу от этого ига, он сделал ее свободной от рабства народного. И хотя по отношению к России, которую он хотел также покорить, Наполеон назван тираном, но конец стихотворения знаменателен выводами: «Да будет омрачен позором / Тот малодушный, кто в сей день / Безумным возмутит укором / Его развенчанную тень! / Хвала! он русскому народу / Высокий жребий указал / И миру вечную свободу / Из мрака ссылки завещал».

1821 г. для А. С. Пушкина – это точка отсчета, начало недолгого, но интенсивного роста его радикального западничества. Здесь и смерть Наполеона, и укрепление сердечно-дружеских отношений с Чаадаевым (об этом стихотворение 1821 г. «Чаадаеву»), без общения с которым Пушкин очень страдает в бессарабской ссылке. И в это время у него рождается понимание литературного героя совершенно нового типа, которого позже назовут «лишним человеком». Удивительно то, что Пушкин совершил открытие лишнего человека на начальной волне своего радикального западничества, подразумевающего и религиозную индифферентность (и даже атеизм), и отрыв от православной традиции. Мы допускаем, что в своем радикализме поэт потом дошел до самых глубин и был остановлен лишь тем, что имелось у него в душе от домашнего, народного воспитания, как следствие общения с простыми русскими людьми. Усвоенное им понятие «греха», скорее всего, и остановило его на самом краю, когда возникла в душе боязнь вечной духовной гибели и вспомнилось понимание духовной ответственности за грех. И как результат разразившегося кризиса, у Пушкина ушло идеологически плоское – правовое или моральное – понимание ответственности личности за проступки. И это понимание «малого греха» перешло на понимание «большого греха», касающегося судеб всего народа и всего мира.

Каким временем можно датировать пик радикализма и появление кризиса? Думается, что рост западничества радикализма можно датировать

временем с 1821 по 1824 г. На этой волне в Пушкине созревает понимание «лишнего человека» (Пушкин так его не называл), как человека особенного, которому трудно жить в обществе, полном условностей. На начальной стадии формирования образа Пушкин отталкивается, скорее всего, от Чаадаева, а не от Наполеона. Кроме Чаадаева, как сам поэт признается, на него повлиял Байрон с его Чайльд-Гарольдом. В том и другом случае оба первообраза заставляли Пушкина видеть поначалу в лишнем человеке плоский образ «морального типа», человека с нетипичным поведением. С такого взгляда Пушкин и начал писать Евгения Онегина в 1823 г.

Между тем образ Наполеона все более завораживающе действовал на Пушкина, постепенно появлялся качественно иной взгляд на природу его величия. Если сравнить содержание двух стихотворений поэта – «Наполеон» 1821 г. и «К морю» 1824 г., мы заметим существенную разницу. В год смерти Наполеона Пушкин пишет о нем, как о великом человеке – и плохом, и хорошем. В стихотворении «К морю» впервые звучат ноты религиозного понимания полководца. Рождается сложный художественный образ человека-демиурга, преобразователя мира. Это образ «свободной стихии», морской стихии, которая неподвластна суду людей. Стоя у моря и прощаясь с морем, Пушкин словно обращается к самому Наполеону – такой же мощной и свободолюбивой реальности. И заметим, самое важное – поэт прощается и с морем, и, очевидно, с Наполеоном. Вот где загадка. Если распространить эпитеты и образы, адресованные морю, на Наполеона, то мы увидим следующее: Наполеон – это свободная стихия, блистающая гордой красотой; друг, из уст которого Пушкин слышал ропот заунывный, как зов его в прощальный час; души предел желанный; бездны глас. Последний эпитет самый таинственный и многозначительный. Здесь поэт открывает тайну: какой ему видится природа Наполеона, а именно: в нем звучит голос бездны, то есть небытия. В этом стихотворении Пушкин однозначно говорит о своей покорности Наполеону: «Ты ждал, ты звал... я был окован; / Вотще рвалась душа моя; / Могучей страстью очарован, / У берегов остался я». На земле, где все скучно и однообразно, Пушкина влечет только место упокоения Наполеона: «О чем жалеть? Куда бы ныне / Я путь беспечный устремил? / Один предмет в твоей пустыне / Мою бы душу поразил. / Одна скала, гробница славы... / Там погружались в хладный сон / Воспоминанья величавы: / Там угасал Наполеон». У Пушкина был единственный на земле союзник, который также был создан духом моря, – Д. Г. Байрон, умерший в 1824 г., после чего «мир опустел».

Прощаясь с морем, Пушкин прощается с Байроном и Наполеоном, но что за этим следует? Он

пишет: «В леса, в пустыни молчаливы / Перенесу, тобою полн, / Твои скалы, твои заливы, / И блеск и тень, и говор волн». Итак, поэт забирает с собой вместе с морем и Байрона, и Наполеона, как выразителей морской стихии. В этом основной пафос стихотворения. Здесь Пушкин достигает пика своего западнического радикализма и здесь же что-то с ним происходит. Встав над бездной, приблизившись к самому краю, занеся уже ногу, чтобы шагнуть в пропасть и стать до конца дней своих певцом Наполеона и «лишнего человека» в его байроновском понимании, как нравственного отщепенца, – Пушкин не сделал последнего шага. Очевидно, душа его ужаснулась от вида бездны, и поэт отпрянул в сторону. В 1832 г. он опишет в «Пире во время чумы» состояние людей, стоящих на краю бездны и не боящихся упасть. Во всяком случае, с этого момента у поэта появляется религиозное отношение к лишнему герою, о чем свидетельствует создание в 1825 г. «Бориса Годунова». Религиозная вера, православие в последнюю минуту отодвинули в сторону прельщающие Пушкина фигуры Наполеона и Байрона, и он увидел за ними реальную пропасть.

В 1825 г. поэт выпускает драму «Борис Годунов», посвященную историку Карамзину, где лишний герой – Григорий Отрепьев – уже не моральный тип человека, его качество «лишности» мотивируется уже и религиозно, и граждански, поскольку он выступает разрушителем и религиозных, и государственных начал в России. Кроме того, это был уже реальный исторический человек, и сама область его действий – реальное государство, Россия. И хотя «Борис Годунов» был посвящен не «лишнему человеку» (поэт продолжал работу над «Евгением Онегиным»), но без лишнего человека в большой драматургии было уже не обойтись. Мы можем сказать, что до завершения «Евгения Онегина» (1830) Пушкин пришел к религиозному пониманию лишнего героя; он оторвался от плоского понимания того, как нарушителя общественных норм, вносящего сумятицу в мир, где он появляется. Герой в новом понимании может действовать в масштабах страны и мира.

В «Борисе Годунове» лишний герой рассматривается как результат совершения «большого греха» (наш термин. – О. К.) правителем страны царем Борисом Годуновым, который убивает наследника престола, малолетнего царевича Дмитрия Иоанновича, младшего сына Грозного, после чего не кается, а принимает власть и начинает выстраивать дорогу для новой династии. Он ворожит, обращается к колдунам, чтобы узнать будущее. Время написания драмы «Борис Годунов» и время смерти императора Александра I (виновного в смерти отца Павла I) совпадают, Пушкин проводит здесь очевидную историческую параллель с событиями XVI в. Но ос-

мыслит давнее событие в религиозном ключе, что и заставило его не только применить здесь «онегинскую» находку – лишнего человека, но и религиозно мотивировать поступок нового героя. Так у Лжедмитрия (а значит, и у лишнего человека) появляются черты Антихриста. Были ли у него также признаки Наполеона или Пушкин еще не решился расстаться со своим кумиром? Мы думаем, что в «Борисе Годунове» Пушкин еще не стал низвергать Наполеона и включать его в образную канву лишнего человека. Само понимание греха как возмездия, как расплаты, указывает здесь на несколько западноевропейское понимание следствия действия греха. Допускаем, что в данном случае оно было у Пушкина книжным, вычитанным у кого-то из западных авторов, хотя сама по себе реальность – «уязвление грехом», возвращение памяти к существованию греха было у поэта подлинным религиозным актом, происшедшим с ним где-то в промежутке между 1821 и 1823 г., то есть предположительно в 1822 г. Это значит, что само проявление действия *большого греха*, в его православно-церковном понимании, пришло к Пушкину не сразу; возможно, оно пришло через переосмысление Наполеона и включение его в систему понимания истоков появления лишнего человека. Указание на то, что Григорий Отрепьев – Антихрист, человек с чертами Антихриста, есть в нескольких местах драмы. Еще до побега из монастыря Григория мучит сон (снился он трижды, как знак его подлинности, вещего характера), о котором он говорит старцу, что это «бесовское мечтанье», «враг меня мучил». Он искушается властью, как Христос в пустыне: «Мне снилось, что лестница крутая / Меня вела на башню; с высоты / Мне виделась Москва, что муравейник; / Внизу народ на площади кипел / И на меня указывал со смехом». Про него, уже убежавшего, игумен монастыря говорит: «Знать, грамота далась ему не от Господа Бога». Один из царедворцев при царе Борисе – Пушкин – рассуждает, кем может быть самозванец: «спасенный ли царевич, / Иль некий дух во образе его». Для царя Бориса, которому 30 лет снится один сон – убитое дитя, самозванец – «грозный супостат... пустое имя, тень – / Ужели тень сорвет с меня порфиру, / Иль звук лишит детей моих наследства?». Марине Мнишек Лжедмитрий рассказывает всю правду о себе, но видя, что ей не нужна его правда, опять возвращается к выдуманному образу: «Тень Грозного меня усыновила, / Дмитрием из гроба нарекла, / вокруг меня народы возмутила / И в жертву мне Бориса обрекла». Басманов клянется царю Борису, что разобьет полчища самозванца, а самого его как «зверя заморского в железной клетке» привезет в Москву. Патриарх называет Лжедмитрия «бесовским сыном», который укрылся ризой – именем царевича

Дмитрия, и, если ее разодрать, вся нагота его сразу выйдет наружу. Он просит царя принести в Кремль из Углича мощи убитого царевича: «Тогда обман безбожного злодея, / И мощь бесов исчезнет яко прах». Умиравший царь Борис наставляет перед смертью сына: «Опасен он сей чудный самозванец, / Он именем ужасным ополчен». Евангельский самозванец Антихрист также будет ополчаться именем Христа.

А. С. Пушкин нигде не называет самозванца Антихристом, но показывает источник его необычайной силы, причины появления его на исторической арене России, из чего становится ясно, что автор видит в Лжедмитрии не просто «дурного человека», но «религиозную личность», идущую сознательно на разрушение Русской Церкви, Православия, Российской государственности.

Впервые Пушкин низвергает Наполеона с пьедестала (тем, что сравнивает его с Антихристом) в последней части «Евгения Онегина», законченной в 1830 г. К концу 1820-х годов Пушкин расстается со своим радикальным западничеством, наступает также пора охлаждения отношений с Чаадаевым, что закономерно. Сама тема сравнения Онегина с Антихристом реализуется автором романа в V главе, написанной в 1826 г. (начата 4 января, окончена 22 ноября), то есть в пору чтения в салонах «Бориса Годунова», встречи с Чаадаевым, возвратившимся из-за границы. Сон Татьяны, как и все сны у Пушкина, имел пророческое иносказательное значение. Вещий сон был следствием отказа Татьяны от обычного для той поры девичьего гадания в бане, когда она испугалась мистики гадания и ушла домой. Ответом ей был вещий сон, где Онегин, которого она полюбила, предстал в подлинном своем духовном образе – хозяином собравшихся в лесу бесов, зверем в человеческом облике. Здесь мы впервые получаем возможность увидеть в Онегине – лишнем человеке – его духовную природу, его прямую связь с миром inferнальным: «Он знак подаст: и все хлопочут; / Он пьет: все пьют и все кричат; / Он засмеется: все хохочут; / Нахмурит брови: все молчат». Онегин – не рядовой бес, а хозяин над падшими ангелами, что прямо указывает на его антихристову природу. Появляется этот контекст, напомним, после работы над «Борисом Годуновым», где впервые Пушкин осмысляет связь лишнего человека не просто с «большим грехом», но уже с inferнальной его природой, близостью с Антихристом. В VI главе Онегин, убивший на дуэли Ленского, сам себя осуждает, что здесь он перешел границу допустимого и что это уже не игра в лишнего человека, а таковым он стал подлинно. Сам себя он сравнивает со «зверем», в апокалиптической стилистике – с Ан-

тихристом. Появляется и другая закономерность в осмыслении нового героя: с одной стороны, он все более сближается с Антихристом, с другой – автор романа ищет возможность дать ему шанс не умереть в вечности. Именно поэтому Онегин после смерти Ленского смягчается сердцем, в нем звучит голос совести, он говорит сам себе о том, что поддавался эмоциям, чувствам, вместо того чтобы показать себя «мужем с честью и умом». За этим для Онегина стоит не только личный повод избежать будущей тяжелой участи отверженности Богом, но и открывается возможность для духовного спасения через повторную встречу с Татьяной Лариной. Так хочет сам Пушкин, который «сердечно любит героя своего».

В 1828 г. была написана VII глава «Онегина», важная для еще большего раскрытия темы лишнего человека. Здесь Татьяна, еще будучи в деревне и посещая опустевший дом Онегина, убеждается, что он не простой человек: «Чудак печальный и опасный, / Созданье ада иль небес, / Сей ангел, сей надменный бес... / Ничтожный призрак, иль еще / Москвич в Гарольдовом плаще». С этим открытием Татьяна вместе с родителями едет в Москву навстречу своему замужеству. Перед лицом Москвы Пушкин открывает читателю, что Татьяна Ларина – не просто обычная русская девушка-дворянка, но тот образ, который противостоит Онегину-Антихристу. Семейство Лариных Москва встречает радушно, как своих, но тут же следом вспоминается антипод этим русским православным людям – Наполеон, и встреча его древней столицей: «Но вот уж близко. Перед ними / Уж белокаменной Москвы, / Как жар, крестами золотыми / Горят старинные главы». И тут же Пушкин вспоминает о Наполеоне, которого столица отринула: «Напрасно ждал Наполеон, / Последним счастьем упоенный, / Москвы коленопреклоненной / С ключами старого Кремля».

Последняя, VIII глава романа создавалась с 1829 по 1831 г., когда Пушкин перестал уже быть радикальным западником, к нему вернулось однозначно теплое чувство к Г. Р. Державину как к олицетворению умеренного, петровского, служащего России западничества. «Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил», – пишет поэт в этой главе. Здесь же демонстрируется победа Татьяны, очевидного олицетворения Москвы, и вместе с ней – русского и православного начала, над Онегиным, человеком нерусской традиции (Чайльд-Гарольдом), неправославным, маленьким Наполеоном, Антихристом. Этих героев связывает любовь; у Татьяны эта любовь идет из прошлого, у Онегина – появляется в настоящем. Онегин замечает в свете свою героиню только потому, что она ведет себя так, как привык вести себя он: холодно, отстранен-

но, высокомерно: «Как сурова! / Его не видят, с ним ни слова; / У! как теперь окружена / Крещенским холодом она!». Однако Пушкин указывает на иную, чем у Онегина, природу «холода» Татьяны, умения сдерживать чувства, казаться гордой и независимой. «Крещенский холод» – благодатный холод, очищающий греховные страсти. Тем мне менее для поэта важно, что роман заканчивается не встречей «холода душевного и духовного» с «крещенским холодом», а встречей человека с человеком. Последняя встреча – это последний шанс для Онегина вернуться к Богу и употребить свои таланты на добрую жизнь: «Я знаю: в вашем сердце есть / И гордость, и прямая честь. / Я вас люблю (к чему лукавить?), / Но я другому отдана; / Я буду век ему верна». Пушкин не оставляет Онегина на Суд Божий как малого Антихриста. От лица общества, породившего через «большой грех» такого человека, как Онегин, к нему посылается любящий человек, который один-единственный сумел смягчить его сердце и поселить в нем хотя и временную, но любовь.

И все же эволюция образа лишнего человека в «Евгении Онегине» не была еще завершена, не все важные для Пушкина аспекты природы лишнего человека были проработаны. В 1833 г. поэт публикует поэму «Медный всадник», продолжая развивать найденный образ. Здесь лишним человеком оказывается Евгений (без фамилии), про которого Пушкин говорит, что он связан с образом предыдущего Евгения Онегина. И это удивительно. Этот Евгений беден, не очень умен, мало образован, в нем как будто нет ничего из предыдущей коллекции признаков лишнего человека. Но он пылает страшной ненавистью к тем, кто имеет богатство и власть. Эта ненависть скрыта до поры, пока не появляется разбушевавшаяся водная стихия, уничтожившая многие дома бедняков в прибрежье Невы, вместе с домом его невесты Параша.

Евгения, опять же вследствие «большого греха», порождает не кто иной, как император Петр Великий, основатель Петербурга, его величия, красоты, богатств, но и нищеты, безобразия и убожества. Порождает образ лишнего человека то и другое – и богатство, и нищета. Пушкин создает драматургическое пространство между памятником Петру I и Евгением, который в значительной степени также является памятником: «На звере мраморном верхом, / Без шляпы, руки сжав крестом, / Сидел недвижный, страшно бледный Евгений... / И он, как будто околдован, / Как будто к мрамору прикован, / Сойти не может! Вкруг него / Вода и больше ничего! / И, обращен к нему спиною, / В неколебимой вышине, / Над возмущенною Невою / Стоит с простертою рукою / Кумир на бронзовом коне». Два памятника стоят напротив друг друга, но памятник

Петру стоит спиной к памятнику Евгения, словно это Бог, который не дает пророку Моисею видеть свое лицо.

Живой Петр I не мог отвечать за то, что происходит в начале XIX в., поэтому приходится отвечать медному Петру, памятнику. Запутанность ситуации состоит еще в том, что в поэме явно присутствует славянофильский контекст, из-за нелюбви маленького героя к Петру; и сюда же подтягивается старообрядческая нелюбовь к Петру I как царю, которого немало старообрядцев старого времени считали Антихристом. И если бы не вступление, где Пушкин объясняется в любви к Санкт-Петербургу и, конечно, к самому Петру I, то можно было бы думать, что лишнего человека порождает Петр, вследствие большого греха – отступления от веры и традиции. Но сам поэт так, вполне справедливо, не считал. Отсюда его строки: «Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой строгий, стройный вид, / Невы державное течение, / Береговой ее гранит, / Твоих оград узор чугунный, / Твоих задумчивых ночей / Прозрачный сумрак, блеск безлунный, / Когда я в комнате моей / Пишу, читаю без лампады, / И ясны спящие громады / Пустынных улиц, и светла / Адмиралтейская игла». Свет Петрова града – божественный, ясный, благодатный, исихастский, что и заставляет нас понять природу гнева Евгения; это он грозит Петру, как будто тот Антихрист, он обвиняет царя в своей бедности и малом уме (очевидно, в малых знаниях). Он клеветает на Петра, и в клевете заключена напраслина обвинения. Но ведь лишний герой есть, он порождение Петра, как понять тогда его существование? Какой грех Петра I порождает Евгения, учитывая, что бедность и бесфамильность того вызваны, возможно, еще тем, что не вся аристократия при Петре смогла вписаться в его реформы, поддержать их, стать служилыми западниками. Возможно, Евгений – один из обедневших потомков представителей когда-то богатого рода, и его угроза памятнику идет от лица таковых лиц, потерявших в начале XVIII в. все: богатство, знатность, службу при царском дворе. Это олицетворение тех, кто с большим недовольством и глобально смотрит на новую Россию и ее власть, а ответственным за собственную судьбу считает Петра I. Можно допустить, что в судьбе Евгения Пушкин хотел отразить судьбу П. Я. Чаадаева, своего давнего друга, написавшего «Философические письма», А. Радищева, автора «Путешествия из Петербурга в Москву», или кого-то из других западников-радикалов.

Лишний человек в «Медном всаднике», как хочет показать Пушкин, есть порождение большого греха не самого исторического Петра Великого, а большой грех «памятника», грех, идущий от его почти обожествленной личности, от искаженного

его замысла, от невоплощенной до конца мысли реформатора. Медному всаднику противостоит также не совсем живой человек, после того как Евгений посидел на каменном льве («звере»), он словно с ним слился и сам окаменел. Поэтому, грозит памятнику Петра I, не столько человек Евгений, глядящий в спину Медному всаднику, сколько застывшая, каменная фигура маленького страдальца. Для «лишнего человека» – Евгения – в связи с его каменной неподвижностью не предполагается спасительной возможности избежать вечной гибели; его застывшие формы, находящиеся среди живых людей, не предполагают этого. Образ лишнего человека как *памятника*, по-своему пророческий, потому что обращен в большей степени не к современникам, а к потомкам. После 1917 г. такие памятники «лишним людям» – революционерам – возникли в СССР и даже заполнили все площади и скверы своим однообразием. Эти каменные антихристы были призваны возвышаться в том числе и для того, чтобы обличать собой прошлую царскую Россию, в том числе императорскую, петровскую, которая особенно была ненавистна большевикам. Евгений без фамилии, но с партийной кличкой «Ленин», стал основным памятником России.

Исторические персонажи становятся для Пушкина все более и более важными и значимыми при раскрытии образа лишнего человека. Когда-то он начал с «Евгения Онегина» и, не закончив, перешел к «Борису Годунову», и на историческом материале сумел выйти на религиозное понимание образа лишнего человека, хотя и в этой первой поэме о Смутном времени не сумел до конца понять глубину этого образа. В «Капитанской дочке», написанной незадолго до гибели, Пушкин опять возвращается к полновесному историческому материалу, теперь из XVIII в., из екатерининского времени. Его интересует восстание Е. И. Пугачева, он собирает материал для исторической работы, очевидно, чтобы объемнее представить себе высокую трагедию этого события. Также Пушкин обращается не к стихотворной форме, а к прозе. За этим стояло желание иметь более гибкий инструмент, чтобы прописать отдельные детали, которые сложно передать в стихотворной форме. За деталями же в этом случае стояло очень многое для передачи замысла в полном объеме.

В «Капитанской дочке» Пушкин самым тщательным образом убирает все объяснительные «хвосты»: о лишнем человеке, об Антихристе, о большом грехе. Все высокие и глубокие смыслы тщательно спрятаны, отчего произведение наполняется дополнительной энергетикой, притчевой значимостью, простотой и целомудренностью. Повесть была написана уже подлинным мастером

и великим писателем, разобравшимся во всех хитросплетениях такой таинственной фигуры, как «лишний человек». Лишним становится Пугачев, а ответственным за его появление в этой роли – императрица Екатерина II, совершившая в молодые годы «большой грех» – убийство супруга императора Петра III. Перед нами уже не прежний автор «Бориса Годунова», действующий с ветхозаветной прямолинейностью: если есть большой грех, то неминуема большая расплата. Пушкин уже готов идти дальше славянофильского понимания лишнего героя, он созрел для того, чтобы быть византийцем и озвучивать исихастское мировоззрение. А это уже и имперский монархизм, и православная церковность; это понимание своей русскости во всех ее сложных аспектах, но без славянофильской прямолинейности или русофобской холодности. Поэтому императрица, совершившая большой грех, хотя и спровоцировала появление одного из самых страшных народных бунтов (страшных для власти и дворянства), но она не остается одинокой в своей горе – ожидании неумолимой посмертной расплаты от Бога за ужасное злодеяние. Ей помогают два человека, двое ее неизвестных подданных, каковых у нее миллионы, но только Петру Андреевичу Гриневу и его избраннице Машеньке Мироновой выпала миссия примирить перед лицом Божиим (хотя бы в самой возможности) императрицу и Пугачева. Пушкин показывает, что самое главное для императрицы и для ее далекого визави Пугачева, духовно связанного с ней крепче других людей на земле, это возможность вступить в прямые – духовно-судебные отношения и этим завершить тему «большого греха» и расплаты за него. В этом случае, в понимании Пушкина как православного христианина, как великого писателя и историка, все должно будет пойти по тому же сценарию, что и в «Борисе Годунове». Но исторически произошло иное: в жизни Екатерина, ответственная за большой грех, не погибает от рук восставших, а подавляет бунт и казнит Пугачева. Значит, за ее действиями стоит какая-то «божья правда», которая оправдывает ее перед Богом и снимает с нее (и всего государства) неотвратимость наказания. Пушкин не сторонник «личного покаяния», которое может победить большой грех, что, по библейским и евангельским меркам, действительно неправдоподобно. Тем более, что в народе бытовала пословица: «Царь согрешит, народ его отмолит, а народ согрешит, никто его не отмолит». Отмолить царя всем народом Пушкин и предлагает в «Капитанской дочке». Молитвенниками за царицу и становятся народные представители – выходцы из неродовитого служилого дворянства молодой офицер Петр Андреевич Гринев и дочь

капитана Миронова Мария Ивановна. Каждый из них совершает свой человеческий подвиг: Гринев проявляет милосердие к Пугачеву до того, как тот стал вождем восставших, показывает перед его лицом простоту и бесстрашие, любовь к чести, строгость к присяге. Пугачев цепляется за него, словно за соломинку, в разных обстоятельствах, будто догадываясь, что от этого человека будет зависеть *все* его будущее. Поэтому он не убивает его в пургу, не казнит и не наказывает в момент бунта. Мария Ивановна Миронова ради спасения чести и жизни жениха, спасшего ее жизнь и честь, едет в Петербург на прием к императрице и тоже рассказывает ей, в простоте сердца, всю правду о Гриневе. Императрица, как и Пугачев в общении с Гриневым, чувствует в этой девушке не просто просительницу, а нечто большее, даруемое ей от Бога; и хватается за нее, как за соломинку, которой ей не доставало. Так Пугачев и императрица соединяются духовно при их социальном разрыве. В этом подвиге двух незнатных и неизвестных дворян решается судьба России, и подвиг Маши Мироновой выше, чем подвиг Петра Гринева, ведь от лица императрицы начинается движение вспять, вопреки злой воле и обстоятельствам. Императрица прощает невиновного, но осужденного на каторгу Гринева, и он возвращается домой. Но он уносит с собой благодарность Пугачеву, сохранившему ему жизнь и ставшему виновником его будущего семейного счастья. Поэтому он видит свою обязанность в том, чтобы, помня наказ Пугачева, до конца дней своих молиться о его грешной душе и делать это вместе со своей супругой. А там, где «двое или трое собраны во Имя Мое, там и Я посреди них», – говорит Христос. Значит, у Пугачева появляется шанс быть вымоленным у Бога от страшной участи, что, в свою очередь, и перед императрицей Екатериной II открывает двери возможного прощения. Если будет прощен Пугачев, то и она будет прощена за свой страшный грех.

Постараемся приглядеться к языку Пушкина, хотя и скрывающего здесь эсхатологический акцент происходящего, но все же в отдельных образных деталях описания природы, состояния души человека и т. д. допускающего проникновение таких символических деталей. Начнем с характеристики Петербурга. Как ни любит автор северную столицу, здесь он на стороне Андрея Петровича Гринева, опасавшегося посылать туда сына на службу в Семеновский полк, к которому тот с детства приписан. Это город праздности и мотовства. И та характеристика, безусловно, привязана к самой императрице Екатерине II, правившей тогда и находившейся в Петербурге. По этой же причине судьбоносная встреча (для Марии Мироновой и самой импера-

трицы Екатерины) происходит в царскосельском саду, в простой природной обстановке, вне дворцового этикета. Пугачев появляется в книге перед читателем как бы из недр разыгравшейся снежной бури, как бы рождающийся из небытия. Зная пушкинскую символику метели, нетрудно и здесь увидеть inferнальный оттенок происходящего. Здесь же, в самый опасный момент, Петр Гринев видит сон, где Пугачев оказывается страшным злодеем, необыкновенная природа которого проявляется еще и в лицедействе, как у Антихриста, который может быть и добрым, и очень злым. Позже Гриневу наяву пришлось увидеть то и другое лицо Пугачева, что также говорит в пользу его особой природы.

Теория вопроса о «лишнем человеке»

Пушкин демонстрирует своим открытием «лишнего человека» и первостепенным вниманием к этому образу особую победу над Наполеоном, который хотя и был сломлен на поле брани, был заточен на о. Святой Елены, умер там в 1821 г., но духовно остался в России, он в ней живет и набирает силу. Сам поэт долгие годы, как и многие западники-радикалы, поклонялся ему, боготворил его, отталкивался от него в литературной жизни. Это продолжалось до 1824 г. К 1825 г., к моменту написания «Бориса Годунова», Пушкин победил Наполеона в своей душе, и вместе с этой победой пришло постепенное понимание, что «лишний» герой также нуждается в помощи и спасении. В этом случае что-то происходит и в «Наполеоне» – малом Антихристе, стремящемся к воплощению в настоящего, «большого» Антихриста. Он может поддаться воздействию христианской духовности, в нем может проявиться человеческое начало и открыться возможность для покаяния. Очевидно, Пушкин все же отталкивался здесь не от личного открытия «покаяния для злодея» при совершении «большого греха», а от общерусской, православной традиции. Эту же глубочайшую мысль мы встречаем, например, в письмах 1812–1813 гг. У М. А. Волковой, современницы Пушкина: «Наполеон, иначе сатана, начал с того, – пишет она своей знакомой Варваре Ивановне Ланской 30 сентября 1812 г., – что сжег дома с их службами, а лошадей поставил в церкви. Знаешь ли что: несмотря на отвращение, которое я чувствую к нему, мне становится страшно за него ввиду совершаемых им святотатств» (Волкова 2012: 103). Затем Пушкина привлекает такой аспект, как зеркальный образ Наполеона, отраженный не от французского императора, а от российского Петра I. И хотя за этой идеей в России времени Пушкина еще ничего не стояло, но поэт предположил, что невидимый Наполеон, став бедным и безвестным чиновником, может стать, как и Петр I, памятником. Думается, отталкиваясь от

этой фантазии, Пушкин и смог перейти к более чем реалистической картине восстания Пугачева, которое, по всем духовным законам, должно было обрести черты новой Смуты, но не обрело, а было подавлено, хотя и внесло страшную сумятицу в умы и сердца всего русского дворянства.

Что, спрашивается, стоит за пушкинской эволюцией «лишнего человека» кроме того, что этот образ постепенно наполнялся все более глубоким содержанием, указывающим на его связь с Антихристом, раскрывающим разнообразие этой темы, а также ее необычные ракурсы? Главный из них – сочувствие автору лишнему герою, но сочувствие не морального толка, не жалость, а скорее религиозная обеспокоенность тем, что герой, его душа могут погибнуть для вечности и его гибель отразится на всем русском деле, ради которого народ живет, верует в Бога, осуществляет свою деятельность. Человек, совершивший большой грех, погибает, если не появляются люди, которые могут вырвать смертоносное жало, присутствующее у лишнего человека. Для Пушкина ни тот, кто совершил большой грех, ни тот, кто есть «бич Божий», то есть лишний человек, порождение большого греха, – не могут сами разрешить эту проблему каждый для себя. Их личного покаяния словно недостаточно для того, чтобы их услышал Бог. И здесь Пушкин очевидным образом указывает на коллективную личность («двое или трое, собранные во имя Мое»), которая только и способна отомстить ту и другую сторону. Тот, кто согрешил, и тот, кто есть порождение греха, – оба они особым образом одиноки, поскольку потеряли благоволение Божие, потеряли благодать, которая одна только и способна соединить человека с человеком, сделать каждого социальным. Вот почему преодоление такого одиночества возможно только через молитву других людей об этих падших. Но это не просто молитва, добрые слова, призывающие помочь нуждающимся людям, это решимость включиться в их судьбу, не бояться препятствий и испытаний на пути соединения их воедино. Ведь им нужно не что иное, как духовное соединение, восстановление разрушенного единства. Все это указывает на первичное значение покаяния для Пушкина в вопросе о лишнем человеке, трудности, но и возможности возвращения от состояния лишнего человека к обычному.

Несомненно, Пушкина интересовала тайна «обаятельного злодея», которой он и сам коснулся, сам испытал чувство увлеченности таким героем: и в жизни, благодаря дружбе с Чаадаевым, и в литературе, после знакомства с известной поэмой Д. Г. Байрона, и в истории, через образ Наполеона. Пушкинские лишние люди – Лжедмитрий из «Бориса Годунова», Евгений Онегин, Евгений из

«Медного всадника», Пугачев из «Капитанской дочки» – все это эстетически симпатичные люди, выведенные художественным гением Пушкина, в них есть много привлекательного, красивого и порой даже доброго; в них обязательно присутствует та часть комплекса Антихриста, которая связана с его лицедейством, умением показаться добрым, миролюбивым, заботливым. Считается, что положительные качества присущи Антихристу до момента, когда он начнет действовать, проявлять свою власть, принуждать людей к безоговорочному повиновению себе, причем уже не в добром, а в злом виде. Григорий Отрепьев добрым показан в первой сцене, в келье монастыря, когда он рассказывает старцу свои страшные сны, в которых бесы его словно принуждают повиноваться злой воле. Онегин – «добрый малый», когда он ведет обычную жизнь дворянской молодежи: посещает балы, волочится за дамами, ведет праздный образ жизни. Но как только ему наскучило все, он меняется, он становится злым, он не знает, куда себя деть, он ищет и не может найти себе покоя. Татьяна во сне накануне дуэли с Ленским видит подлинную природу Онегина-Антихриста. Евгений из «Медного всадника» изображен добрым до начала бури, его доброта касается желания тихого семейного счастья и ничего более. Пугачев – «добрый» в момент знакомства с Гриневым, в стихии снежной бури, когда у этих двух героев и завязывается определенная духовная симпатия. Во всех случаях Пушкин выдерживает канон описания Антихриста, начиная представлять его со времени, когда он был добр. Новым у Пушкина выглядит нежелание расставаться до конца с добрым началом, когда в герое начинает открыто и радикально проявляться злое начало. Поэт не отказывается сохранить некоторые добрые черты. Особенно это заметно (потому что усилено) в «Капитанской дочке».

Обаятельность злодея строится на двух началах: добром и злом, тесно соединенных, так что добро может закрывать зло, не давая ему демонстрировать себя. Его обаяние носит естественный характер, оно цельно, словно отражение всей сути человека, и несомненно, что Пушкин при описании обаятельных злодеев отталкивается от конкретной личности – от Наполеона. Точнее, он приходит в позднем творчестве к пониманию Антихриста во всей его религиозной глубине, хотя и в светском изображении – через образа Наполеона. И основой для мягкого изображения этого первообраза (а это касается всех обаятельных злодеев у Пушкина) является тот Наполеон, который после отстранения от власти доживал свой век на о. Святой Елены, имея от Бога время для раздумий и покаяния. Словом, сама возможность как таковая уже оценивалась

Пушкиным в христианском контексте завершения жизни. Что и служило основанием для введения темы «покаяния» в структуру «лишнего человека». Надо заметить, что тема лишнего человека была продолжена в творчестве других русских классиков XIX в., также осмыслена религиозно, эсхатологически, привязана к Наполеону, но с другими акцентами. Только у Пушкина есть этот покаянный тон, надо сказать, очень важный для начального этапа формирования стержневой линии развития русской литературы XIX в.

Выводы по статье

А. С. Пушкин обладал не только великим литературным талантом, но и жил в судьбоносное для России время после победы страны в Отечественной войне 1812 г., предшественнице мировых войн XX века. Духовный, религиозный контекст этих событий, этого времени, указывает на выход за привычные рамки политической жизни России, Европы и всего мира. Так, словно международная политика перестала быть рутинной формой взаимодействия государств между собой, а становится ареной грозных событий, близких к эсхатологическим. В России после войны декабристами, большей частью участниками войны, делается попытка свержения монархического строя и замены его на западный манер конституционным (к чему Наполеон и стремился!). В церковной сфере, в те же годы, в Дивеево начинает устраиваться Четвертый Удел Божьей Матери, как известно, напрямую связанный со временем Апокалипсиса. По всей России начинают появляться многочисленные женские общины, которые превращаются через определенное время в большие общежительные монастыри (Кириченко 2010: 265–294). Женское церковное подвижничество приобретает исихастские черты и напоминает времена создания Северной Фиваиды в XIV – первой половине XV в., когда в России развивалось идущее из Византии духовное Возрождение. В начале XIX в. страна словно возвращалась к точке отсчета, к тому времени, когда только начался ее путь участия в «византийской миссии», прерванный в середине XVI в. Тогда при Иоанне IV в. началось сближение с Западом, с целью укрепления экономического могущества России, и прервался путь служения церковному делу, хранению веры. Тогда же, в XVI в. стало размываться православно-христианское понимание человека как коллективной личности.

Отечественная война 1812 г. вывела на авансцену образ Наполеона – политика, возникшего из небытия и ставшего в одночасье первым человеком в мире. В силу особенностей личности этого «обаятельного злодея» война принесла в мир не только огромные материальные перемены, большей ча-

стью трагического характера, для всех народов, – но и великие обольщения, которые действовали и во время войны с участием Наполеона и продолжали действовать после его отстранения от власти. Словно заразный микроб, образ обаятельного злодея стал витать над миром, вселяться в сердца честолюбцев, создавать себе сторонников из числа новых, маленьких наполеончиков, более или менее талантливых. Каналами для распространения «инфекции» служили в первую очередь масонские ложи, собирающие эти настроения и людей, их исповедующих, под свой кров, и дающие направление их политической деятельности. Возвращение к подлинному религиозному пониманию личности человека становится настоятельной потребностью для образованной части русского народа, давно вышедшей из лона русской православной традиции в свободное плавание.

На этом широком историческом и историософском фоне нам и видится деятельность А. С. Пушкина, который в светской области, но параллельно тому, что делал в это время преподобный Серафим Саровский, – двигался в направлении религиозного понимания личности. И это движение не было просто рациональным поиском, для поэта это был путь личной аскезы, с трудным отказом от западно-радикальных норм отношения к России, русскому народу, привитых через масонство и его адептов в России. А. С. Пушкин пришел к нормам византийской и древней русской традиции, времени XIV – первой половины XV в., когда человек виделся коллективной личностью, коллективность которой объясняется его божественной природой. Отсюда у поэта и появился отличный от Байрона образ «лишнего человека» как совершителя «большого греха», и потому нуждающегося в молитвенниках за него

(и поэт показывает эти образы молитвенников в лице русских женщин). Так Пушкин решает проблему опасности для России и всего мира, идущую от малого антихриста, который может стать большим и реальным Антихристом, но может и не стать, как им не стали литературные и исторические персонажи, которые он описывал.

Золотой век русской литературы мы соотносим с открытием литературного героя, понимаемого религиозно как коллективная личность. Пушкин начинает этот путь с выведения на авансцену отрицательного персонажа – лишнего человека. Золотой век должен был быть завершен Достоевским и Толстым, но завершает его один Достоевский, совершивший еще одно открытие вслед за Пушкиным. Он открыл положительную личность, также религиозно понимаемую, тоже коллективную, но соотносимую с образом Христа. Толстой, сойдя со стези православной церковной традиции, несмотря на его литературную величину, не принял участие в завершении Золотого века, что, несомненно, повлияло и на качество завершения этой эпохи, и на складывание атмосферы следующего – Серебряного века. И хотя это отдельная большая тема, кратко скажем, что Толстой выступил противником религиозного отношения к личности. Золотой век, начатый Пушкиным, завершился раньше положенного столетия, что позволило Л. Толстому и Вл. Соловьеву совершить своего рода бунт в русском литературном мире и повести за собой деятелей Серебряного века. Хотя почву для этого нового этапа в литературе готовили Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Гончаров, Тургенев, Достоевский, а не Толстой и Соловьев. Тем не менее, открытия Золотого века – открытия Пушкина и Достоевского – стали достоянием и России, и всего человечества.

Примечания

¹ Письмо Арины Родионовны А. С. Пушкину:

Любезный мой друг Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна – вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забывает. Ваше обещание к нам побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю. Наши Петербургские летом не будут, они [все] едут непременно в Ревель. Я вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидеться. Прасковья Александровна приехала из Петербурга – барышни вам кланяются и благодарят, что вы их не позабываете, но говорят, что вы их рано поминаете, потому что они слава богу живы и здоровы. Прощайте, мой батюшка, Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила, поживи, дружок, хорошенько, самому слюбится. Я слава богу здорова, цалую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна. Тригорское. Марта 6. (См.: Арина Родионовна. Письмо Пушкину А. С., 6 марта 1827 г. Тригорское // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 16 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937–1959. Т. 13. Переписка, 1815–1827. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1937. С. 323.

² Произведения А. С. Пушкина в данной статье цитируются по изданию: Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. М.: Правда, 1981.

Источники

- Пушкин 1981 – Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. М.: Правда, 1981.
- Волкова 2012 – «Дней прошлых гордые следы» / Переписка Марии Аполлоновны Волковой 1812–1813 годы / сост., подготовка текста, коммент. М. А. Волкова. М.: Минувшее, 2012.
- Декабристы 1988 – Декабристы. Биографический справочник / Издание подготовлено С. В. Мироненко. М.: Наука, 1988.
- Чернопятов 1910 – Дворянское сословие Тульской губернии. Т. V (XIV). Ополчение 1812 г. Материалы / Собрал В. И. Чернопятов. М., 1910.

Научная литература

- Архимандрит Августин (Никитин). Перечитывая Апокалипсис (Царское Село – Карелия – о. Патмос) // Христианская культура. Пушкинская эпоха / По материалам традиционных христианских пушкинских чтений. Вып. XV / ред.-сост. Э. С. Лебедева. СПб.: Санкт-Петербургский Центр Православной Культуры, 1997. С. 102–116.
- Бабкин В. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962.
- Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина / «Евгений Онегин» // Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1981.
- Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России (XIX – середина XX века). Изд. Свято-Алексиевской пустыни, 2010.
- Кириченко О. В. Идейность и идейные формы. Евразийство и скифство, советское славянофильство и западничество, софианство и светский исихазм, нигилизм и социальный оптимизм, светская и церковная эсхатология. СПб.: Алетей, 2024.
- Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1–4. СПб., 1839.
- Муравьева О. С. Пушкин и Наполеон: (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 14. Л.: Наука, 1991. С. 5–32.
- Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984.
- Толмачёв В. М. Байрон и Наполеон: опыт интерпретации творческой биографии Байрона и поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2018. № 6. С. 92–109.
- Фомичев С. А. Пушкин и масоны // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995.
- Фроловский Георгий, протоиерей. Пути русского богословия. Киев: Христианско-благотворительная ассоциация «Путь к истине», 1991 [1937].

References

- Archimandrite Avgustin (Nikitin). 1997. Perechityvaya Apokalipsis (Tsarskoe Selo – Kareliya – o. Patmos) [Rereading the Apocalypse (Tsarskoye Selo – Karelia – Patmos Island)]. In *Khristianskaya kul'tura. Pushkinskaya epokha / Po materialam traditsionnykh khristianskikh pushkinskikh chtenii* [Christian Culture. The Pushkin Era / Based on Traditional Christian Pushkin Readings]. Issue XV, ed. by E. S. Lebedeva, 102–116. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii Tsentru Pravoslavnoi Kul'tury.
- Babkin, V. 1962. *Narodnoe opolchenie v Otechestvennoi voine 1812 goda* [People's Militia in the Patriotic War of 1812]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury.
- Belinskii, V. G. 1981. Sochineniya Aleksandra Pushkina / «Evgenii Onegin» [Works of Alexander Pushkin / «Eugene Onegin»]. In *Sobranie sochinenii v 9 tomakh*. [Collected Works in 9 Volumes], by V. G. Belinskii. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Kirichenko, O. V. 2010. *Zhenskoe pravoslavnoe podvizhnichestvo v Rossii (XIX – seredina XX veka)* [Female Orthodox Asceticism in Russia (19th - mid-20th Century)]. Izdanie Svyato-Aleksievskoi pustyni.
- Mikhailovskii-Danilevskii, A. I. 1839. *Opisanie Otechestvennoi voiny v 1812 godu. Chasti 1–4* [Description of the Patriotic War in 1812. Parts 1–4]. Saint Petersburg.
- Murav'eva, O. S. 1991. Pushkin i Napoleon: (Pushkinskii variant «napoleonovskoi legendy») [Pushkin and Napoleon: (Pushkin's version of the «Napoleonic legend»)]. In *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: Research and Materials], 5–32. Vol. 14. Leningrad: Nauka.
- Panchenko, A. M. 1984. *Russkaya kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Peter the Great's Reforms]. Leningrad: Nauka.

Tolmachev, V. M. 2018. Bairon i Napoleon: opyt interpretatsii tvorcheskoi biografii Bairona i poemu «Palomnichestvo Chail'd Garol'da» [Byron and Napoleon: An Experience of Interpreting Byron's Creative Biography and the Poem «Childe Harold's Pilgrimage»]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* 6: 92–109.

Fomichev, S. A. 1995. Pushkin i masonry [Pushkin and the Masons]. In *Legendy i mify o Pushkine* [Legends and Myths about Pushkin]. Saint Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskii proekt».

Frolovskii Georgii, Archpriest. (1937) 1991. *Puti russkogo bogosloviya* [Paths of Russian Theology]. Kiev: Khristiansko-blagotvoritel'naya assotsiatsiya «Put' k istine».

A.S. PUSHKIN ON THE PATH OF RELIGIOUS UNDERSTANDING OF PERSONALITY

Abstract. Pushkin managed to get away from Byron's (and, therefore, European in general), narrow, only moral interpretation of the image of a «superfluous person», and managed to present a new image, understood by him religiously, in line with the Orthodox interpretation of personality, in the light of understanding the «great sin», repentance and reckoning for a great sin. The poet himself is changing, he stopped being a radical Westerner, abandoned Freemasonry, friendship with Russian Westerners, Russophobes; mastered the Slavophile worldview and moving on, settled on the Byzantine view of man, which was based on Hesychast theology. Evolving along with his heroes, Pushkin gradually built the image of a «superfluous person», increasingly correlating it with the figure of the «little antichrist». Another, the most important discovery of the poet should be considered Pushkin's refusal to be an arbitrator for his heroes; in this connection, the poet provides everyone who has committed a great sin with a path to repentance; that is, he gives the opportunity to a small antichrist not to become a big one.

Keywords: A. S. Pushkin, «superfluous people», Napoleon, Antichrist, Orthodox Christian ideology.

Authors Info: Kirichenko, Oleg V. – Dr. of History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation), E-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

For citation: Kirichenko, O. V. 2024. A. S. Pushkin on the path of religious understanding of personality. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 38: 55–69

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

